

Оглавление

Предисловие	4
Введение	6
Беседа 1-я. ДВА ВЕКА РАБСТВА	28
Беседа 2-я. «ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ».....	90
Беседа 3-я. ХЛЕБ И ВЛАСТЬ	144
Беседа 4-я. СИЛА И ОРУЖИЕ	232
Приложение	295
Речь П. А. Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 г.....	295
Декрет о земле Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов	317
Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов....	324
Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов....	331
Программа Союза трудового крестьянства. Тамбов. Декабрь 1920 г.	342
Из доклада председателя полномочной «пятерки» Кирсановского уезда. 10 июля 1921 г.	345

Предисловие

Аграрных реформ в новой истории нашей страны насчитывается три. Первая, полу-успешная, если говорить о преследуемых целях, и совершенно катастрофическая в политическом плане, именуется «освобождением крестьян». Вторая, единственная, которая так и называется «реформой», — торжественно провалившаяся столыпинская. Третья же вообще не воспринимается как реформа, хотя именно она достигла всех целей, которые преследовали, о которых мечтали и о которых даже не смели мечтать предыдущие реформаторы. Большевики, любители новых терминов, ушли от сущности в технологию и назвали сие действие «коллективизацией».

Да, технологически это коллективизация, но по сути-то — третья аграрная реформа. А по достигнутым результатам и по значению для судеб страны ее можно назвать великой. Если бы не она, не было бы сейчас на карте никакой России, а жалкие остатки населения жили бы не в сверхдержаве, а в каком-нибудь бангустане.

Почему до начала 30-х годов «мировое сообщество» не трогало Советский Союз? Да потому, что никто не верил в способность большевиков справиться с российским аграрным комплексом. А когда стало ясно, что аграрная реформа прошла успешно, власть в Германии тут же вручили Адольфу Гитлеру. Впрочем, намеченных целей и он не достиг. Красная армия, в большинстве своем состоявшая из крестьян, готова была зубами грызть врага. Почему бы это, если большевики разорили русское крестьянство и насильно согнали в колхозы? Снова иррациональный патриотизм русского человека?

А может, все было не так, как писал в 90-е годы журнал «Огонек»? Может, и крестьянам Страны Советов было за что бороться?

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

Д. Пучков: Я вас категорически приветствую. Елена Анатольевна, здравствуйте!

Е. Прудникова: Аналогично! Здравствуйте.

Д. Пучков: Для начала несколько вопросов от слушателей нашего канала. *«Как вы занимаетесь историей — как наукой или в качестве любителя?»*

Е. Прудникова: Вопрос интересный. Если говорить о формальном статусе, то как любитель. А если о методе — то как наукой, поскольку я по образованию физик, и не просто физик, а твердотельщик. Физика твердого тела — одна из сложнейших и наименее изученных областей этой науки. У нас на физико-механическом факультете ленинградского Политеха был так называемый «физический» поток — атомщики, биофизики и твердотельщики, то есть те направления, которые существовали тогда большей

частью как фундаментальные, в теории. А чему очень хорошо учат физика-фундаментальщика — так это проводить исследования. Если инженер ошибется, получится убытку... скажем, на миллионы. Прикладник ошибется уже на миллиарды, а фундаменталист ошибется — это такие убытки... Представляете: делали-делали атомную бомбу, а она не взорвалась, поскольку имела место принципиальная ошибка теоретиков. Это на сколько же выставили бы правительства всего мира? Поэтому нас очень хорошо учили проведению исследований, и в том числе решению задач, просто вбивали эти методы в подкорку. А уж если ты умеешь решать задачи, то к чему это умение применять — совершенно безразлично. Я вот к истории применила, могла к кулинарии, могла еще к чему-нибудь...

Д. Пучков: То есть вы не есть представитель отечественной исторической науки...

Е. Прудникова: И слава богу, потому что наша историческая наука по сути — богословие. Тебе в вузе и после него рассказывают, как все было с точки зрения современной науки, затем ты берешь какой-то маленький кусочек и этот кусочек изучаешь, пытаешься вписать его в общую

картину, он не лезет, ты придумываешь связки, объяснения, а он все равно не лезет... Я ведь это не просто так говорю. Я читаю монографии, там это очень хорошо видно: как честное, добротное исследование пытаются вписать в совершенно бредовую общую картину. А если ты не будешь так делать, ты ничего не опубликуешь, никогда в жизни не защитишься.

Д. Пучков: А вы не думали степенью обзавестись...

Е. Прудникова: Предлагали пару раз хорошо ко мне настроенные историки написать диссертацию, защититься. Не хочу. Сумасшедший объем работы, испорченное на годы перо — этот научный стиль, он перо просто убивает, — куча бюрократических процедур, и все ради чего? Чтобы в случае успеха прибавить к имени «кандидат исторических наук»? А зачем мне эта прибавка? Я не историк, я писатель, пишу свои книги, провожу исследования так, как меня учили: собрать данные, проверить начальные и граничные условия, поставить задачу. И если она в процессе постановки не решается сама по себе, приступить к решению. Но обычно, когда проделаешь предварительную работу, решение

уже очевидно. А то, что оно не совпадает с общепринятой картиной... ну, не совпадает, что ж тут поделаешь...

Д. Пучков: *Еще вопрос на ту же тему. «Искренне интересно, что лежит в основе вашей деятельности? То есть почему вы развеиваете мифы, что само по себе хорошо, иногда переводя эти мифы в обратную крайность? Цель — отрицание ради отрицания или более глубокие мотивы?»*

Е. Прудникова: Я не знаю, насколько это более глубокий мотив. Цель вполне естественная, это любопытство и ничего, кроме любопытства. Потому что денег писательским ремеслом не заработаешь, отрицать ради отрицания — у меня гормоны не те, я все-таки не мужик. Я просто хочу знать, как все было на самом деле, и пытаюсь выяснить. Это очень увлекательное занятие, кстати...

Д. Пучков: У меня есть на эту тему атеистический лозунг: «Промолчи, и сатана восторжествует».

Е. Прудникова: Это второй мотив, он менее значимый, но, опять же, если я что-то узнаю — зачем буду молчать? Я постараюсь донести до всех.

Д. Пучков: *«Расскажите немного про вашу работу в архивах. Как работаете с источниками? Ведете ли карточки? Устанавливаете ли факты разными, независимыми источниками? Какие самые удивительные исторические источники находили, которые поменяли ваше видение тех или иных вопросов как историка?»*

Е. Прудникова: Работать в самих архивах мне почти не приходится по двум причинам. Причина первая: я здесь, в Питере, а архивы в Москве. Я же не могу переехать в Москву, чтобы сидеть в архивах.

Д. Пучков: Сейчас вам расскажут, что это выбивает абсолютно всю научную почву из-под ваших исследований.

Е. Прудникова: Как-нибудь переживу. Я не диссертацию защищаю и даже не на форуме свое мнение доказываю. Конечно, брать в руки архивный листок — это ни с чем не сравнимое ощущение: само время смотрит тебе в глаза. Но хорошенького понемножку, а то зубы заболят. К счастью, есть вторая причина: сейчас такое количество опубликованных документов, в бумажных сборниках и в интернете, что в архивы надо лазать только по очень специальным поводам.

Д. Пучков: И часто у вас такие поводы бывают?

Е. Прудникова: По большому счету, два раза — это книги о Катыни и о «голодоморе». Поэтому они и написаны с соавтором. Мой соавтор, Иван Иванович Чигирин — москвич, любит архивы, сидит в них. Он нашел все нужные архивные материалы по Катыни и по «голодомору». А самое большое «архивное» открытие — это то, что архивам доверять нельзя, потому что значительное количество архивных документов — фальшивки, даже лежащие там, не говоря уже про опубликованные. Поэтому, когда работаешь с архивными документами, желательно применять стилистический анализ — потому что подделать можно все: бумагу, исходные данные, все, кроме стиля. Стиль подделать невозможно.

Д. Пучков: Как бывалый криминалист, я с вами решительно не соглашусь в данном вопросе.

Е. Прудникова: То есть? А почему? Стиль тоже можно подделать?

Д. Пучков: Конечно. Я про другое вам скажу: подделку всегда можно установить, практически всегда, выявить и разоблачить.